

Глава 12 - Не вернулся в комнату

Хэ Шисяй, который только что мыл пол: — ...Хорошо, зайду к тебе, как только закончу.

Нин Ичу вышел из столовой. Хэ Шисяй смотрел ему вслед, затем опустился на корточки и продолжил мыть пол, не обращая ни на кого внимания.

Хэ Жулинь тоже присел рядом и с любопытством спросил: — Ромео, что вообще происходит?

Судя по виду, он был вполне невозмутим — ни капли не убит ни драматическим разоблачением отцовского происхождения, ни тем, что его семью выселяют из главного дома.

Хэ Шисяй спокойно ответил: — А-Нин одумался. Раз люди так любят говорить, что он прирождённый лжец, он решил измениться. Отныне будет честным во всём и со всеми. Это хорошо.

Хэ Жулинь: — ...Вы оба сошли с ума?

Хэ Жучжу, вцепившийся в ножку стула, на котором только что сидела бабушка Хэ, жалобно протянул: — Шестой брат, ты разбил нам сердца. Правда говорят: женится мужчина — и человек другой. Мы же не пытаемся что-то у тебя отнять — почему ты такой бессердечный...

Хэ Шисяй, казалось, охотно пояснял: — Нет, это не имеет ко мне никакого отношения — я говорю это не для того, чтобы уклониться от ответственности и не для того, чтобы вы вместо меня обвинили А-Нина. Не надо ничего додумывать. Я просто говорю правду: не хочу присваивать себе заслуги А-Нина.

— Заслуги? Какие ещё заслуги! Хэ Шисяй ты подлец! — Дедушка Хэ наконец пришёл в себя, поднял трость и замахнулся.

Хэ Шисяй как раз домыл пол. Он встал, уклонился и слегка кивнул дедушке Хэ. — А-Нин сегодня поднял прошлое на свет, вынудив тебя смотреть в лицо совершённым ошибкам — так, чтобы тебе не пришлось унести этот секрет в могилу. По-моему, он сделал тебе одолжение.

Дедушка Хэ ещё больше разъярился: — Ты ещё и желаешь мне смерти!

Хэ Шисяй не стал отвечать. Он подобрал инвентарь и мусорное ведро и пошёл на кухню. Отдав всё слуге, вымыл руки и отправился искать Нин Ичу.

Нин Ичу не вернулся в комнату.

Несколько дней пролежав без сознания, он чувствовал слабость во всём теле. Теперь, когда он пришёл в себя и увидел солнечный свет снаружи, настроение у него было хорошим, и он решил посидеть в саду.

Когда Хэ Шисяй по подсказке слуги нашёл его, Нин Ичу сидел на качелях в дальнем углу сада.

Самые простые качели: два пеньковых каната, привязанных к ветке дерева, и деревянное сиденье на высоте примерно полуметра от земли.

Семья Хэ давно ими не пользовалась, но и сносить специально никто не собирался. Поэтому, ухаживая за садом, слуги заодно и присматривали за качелями, так что те держались крепко.

Дерево было раскидистым, густолиственным, и сквозь листву пробивались лишь редкие нити солнечного света — отбрасывая почти круглое пятно тени в глубине цветущего, пышного сада.

Нин Ичу сидел на качелях в тени дерева, обхватив руками пеньковые канаты с обеих сторон, голова чуть опёрта на левый канат. Он медленно покачивался, иногда отталкиваясь ногой от земли, чтобы поддерживать движение, — казалось, витал в мыслях.

Хэ Шисяй смотрел на его тонкую фигуру и кожу — белую до почти прозрачной бледности — и ему почудилось, что перед ним хрупкая бабочка, готовая в любой момент взлететь.

Бабочка трепетала среди цветов — словно вот-вот выбьется из сил и упадёт.

Сердце Хэ Шисяя сжалось. Шаг его непроизвольно ускорился — но он поймал себя, замедлился и подошёл спокойно.

— А-Нин.

Нин Ичу прислонил лоб к пеньковому канату. Услышав голос, он не повернул головы — продолжал медленно качаться.

Хэ Шисяй встал сбоку-спереди от качелей и смотрел на бледные, тонкие черты лица Нин Ичу. Вдруг он заговорил: — Когда мне было четырнадцать, я приехал с семьёй на банкет в дом семьи Нин. Я увидел тебя в заднем саду. Это был первый раз, когда я тебя видел. Тебе, должно быть, было около восьми.

Выражение лица Нин Ичу не изменилось.

Хэ Шисяй тихо продолжил: — Ты тогда воспользовался темнотой, пока все были в доме или во дворе, и тайком пробрался, чтобы перерезать верёвку качелей в заднем саду.

Теперь Нин Ичу проявил лёгкий интерес. Он поднял взгляд: — Ни остановить не остановил, ни донести не донёс — просто тайно смотрел из тёмного угла и запомнил на долгие годы. Ты, значит, и в детстве святым не был.

Хэ Шисяй не стал ни подтверждать, ни отрицать: — Потому что тогда я увидел, что у тебя голова перевязана марлей и бинтами. Ты плакал, пока резал — и делал это не очень ловко. Ты, казалось, и сам был нездоров — тебе приходилось останавливаться и садиться на землю, чтобы передохнуть. Было и жалко тебя, и больно на это смотреть.

Нин Ичу моргнул, затем насмешливо фыркнул.

— Поэтому я тогда не стал вмешиваться. В итоге я видел, что ты не остановился, пока не перерезал верёвку, — значит, никто не мог бы пострадать. Такие очевидно испорченные качели никто бы использовать не стал.

Хэ Шисяй смотрел в тёмные глаза Нин Ичу — словно снова видел того мальчика в ночи: глаза в туман от слёз, одинокий и беспомощный.

Нин Ичу сказал лениво: — Да, тогда я был довольно тупым — даже духу не хватало нормально бунтовать. Но сработало. Семья Нин меня не заподозрила — потому что те качели сделал Нин Цзэци для Нин Цзэшю. Нин Шаои поссорился с Нин Цзэци сразу после того, как качели были готовы, и грозился их уничтожить. К тому же я взял канцелярский нож сестры Нин Шаои и нарочно выбросил его в мусор, так что...

— Нин Цзэшю — молодой господин семьи Нин, настоящий сын, потерявшийся в раннем детстве и наконец вернувшийся домой. Нин Цзэци — его родной старший брат. Нин Шаои по-родственному был дядей Нин Цзэци и Нин Цзэшю, хотя был моложе Нин Цзэци на несколько лет, и в общении они были больше, как ровесники.

Вспоминая детство, Нин Ичу улыбнулся — в голосе слышалось самодовольное удовольствие: — В итоге вся семья Нин решила, что это Нин Шаои воспользовался ножом сестры и перерезал верёвку. А это ведь были качели для их вернувшегося маленького сокровища. Нина Шаои крепко отругали.

Хэ Шисяй смотрел на улыбку в глазах Нин Ичу, и на душе у него было невыносимо тяжело.

— Тебя не заподозрили... потому что в ту ночь ты, по правилам, должен был не вставать с постели, правда? — тихо сказал Хэ Шисяй.

Нин Ичу склонил голову.

— Травма на голове у тебя тогда была потому, что Нин Шаои и Нин Цзэци заключили пари. Проигравший должен был «разобраться» с тобой за Нин Цзэшю — так, чтобы ты не мог прийти

на предстоящий банкет. Нин Шаои проиграл... Он подставил тебе ногу, когда ты шёл по лестнице. Ты упал и считай, что легко отделался — только ударился головой.

Значит, той ночью в заднем саду Нин Ичу резал верёвку так медленно не только из-за слабости. Главное было в другом: он и правда был болен в тот момент — в жару после потрясения от падения, в голове шумело от травмы.

Однако, несмотря на то что именно Нин Шаои стал причиной падения, травмы и болезни, ответом семьи Нин было лишь беглое «Шаои не хотел специально». Нин Шаои даже выговора не получил. Происшествие было воспринято как нечто менее серьёзное, чем «перерезанная верёвка качелей Нин Цзэшу».

И всё же тогда единственным, на что был способен Нин Ичу, оставалось это — перерезать верёвку качелей. Такой ничтожный способ свести счёты... Вспоминая об этом сейчас, Хэ Шисяй чувствовал лишь боль и сожаление.

Нин Ичу почувствовал, что Хэ Шисяй хочет его «пожалеть», но не желал этого. Он намеренно напомнил ему: — Да, я раскроил себе голову. Едва держался на ногах — а назло, восьмилетний ребёнок, всё-таки умудрился выскользнуть незамеченным, стащить нож и добраться до сада — и перерезать-таки верёвку. Впечатляет или жутковато?

Хэ Шисяй: — А-Нин...

Лицо Нин Ичу похолодело: — Хэ Шисяй, говорю тебе: я с детства неблагодарен и злопамятен — и выполняю задуманное. Просто средств тогда не было, поэтому прошлые акты мести выглядели ничтожно. Хватит навешивать на меня жалостливые ярлыки и не рассчитывай, что раз ты унижаешься передо мной — я смягчусь к тебе и к семье Хэ.

Хэ Шисяй покачал головой: — Я не об этом думаю. Мне просто глубоко жаль, что тогда я стоял и смотрел, не делая ничего...

Если бы можно было вернуться в молодость — той ночью он точно не остался бы безучастным сторонним наблюдателем. Он забрал бы того упрямого ребёнка к себе, воспитывал бы его как принца, чтобы никто больше не смел его обижать. Ребёнку не пришлось бы больше в одиночестве сдерживать слёзы: если было несчастно, можно было бы по праву плакать, скандалить, требовать утешения... Он заслуживал расти беспечным и радостным.

— Если бы ты не влюбился в меня — ты бы всё равно жалел, что тогда остался в стороне и ничего не сделал для чужого ребёнка? — Нин Ичу остался непоколебим, но у него возник вопрос.

Он оттолкнулся ногой, раскачав качели чуть сильнее, и спросил Хэ Шисяя: — Подожди, откуда ты узнал тогдашние подробности?

Хэ Шисяй видел, как он режет верёвку, — но раз не вмешивался, то по логике не должен был знать предысторию. А после его смерти в прошлой жизни — даже если Хэ Шисяй и расспрашивал бы семью Нин об этой мелочи, Нин Цзэци и Нин Шаои вряд ли её помнили: для них это было и правда ничтожно.

Нин Ичу не понимал, откуда Хэ Шисяй узнал подробности того давнего происшествия. Хэ Шисяй и сам немного удивился, а потом нашёл объяснение: ну, понятно. А-Нин умер в прошлой жизни и стал призраком — он, вероятно, не всегда был рядом. Нормально, что некоторых вещей он не знал.

— Когда ты переехал в семью Хэ, ты взял с собой немного вещей. После твоей гибели в прошлой жизни я поехал в семью Нин искать твои старые вещи. В твоём учебнике по граждановедению за начальную школу я нашёл твой дневник... — тихо ответил Хэ Шисяй.

Нин Ичу слегка замер.

Действительно, в начальной школе он вёл дневник. Во-первых, хотел больше писать — разбирать незнакомые иероглифы или записывать пиньинем, — чтобы лучше учиться. Во-вторых, многие вещи было не с кем обсудить, и он просто изливал их в дневник.

Поначалу он использовал под дневник черновые тетради, оставшиеся от домашних заданий. Но вскоре семья Нин обнаружила их, роясь в его вещах.

Потому что он написал в дневнике: «Хочу вернуться в детский дом. Мне не нравится в семье Нин», — семья разозлилась. Его назвали неблагодарным волчонком и в наказание заставили несколько часов стоять на коленях во дворе — пока он не потерял сознание.

Когда он очнулся, он услышал слова Нин Цзэци: дневник уже бросили в камин и сожгли. А ему запретили вести дневники впредь.

— Ты пишешь в дневнике всякую чушь. Если кто-нибудь это прочтёт, подумает, что наша семья плохо с тобой обращается. По какому праву ты это пишешь? Ты ведёшь дневник, чтобы в будущем использовать как улику? — сказал тогда Нин Цзэци с осуждением.

Нин Цзэци был старше своего родного брата, законного молодого господина Нин Цзэшу, на тринадцать лет — и столько же лет отделяло его от Нин Ичу. К «поддельному» младшему брату Нин Цзэци относился особенно жёстко, и маленький Нин Ичу его боялся.

Однако Нин Ичу всё равно хотел вести дневник — ему отчаянно нужно было место, куда можно выплеснуть накопившееся.

Но отдельная тетрадь рано или поздно была бы обнаружена. Семья Нин не признавала за ним права на личное пространство в этом доме — и, учась на горьком опыте с прошлым дневником,

Нин Ичу придумал вести его в учебнике по граждановедению.

В начальной школе этот предмет хотя и входил в программу, но на уроках его фактически не вели. В учебнике было достаточно места: если писать мелко, хватило бы на целый семестр. К тому же, если хранить его среди других учебников, — в отличие от прошлого дневника — его бы не нашли.

И правда — больше не находили.

Столько времени прошло, и теперь, когда Хэ Шисяй вдруг упомянул его школьный дневник, Нин Ичу на мгновение замолчал.

Затем он внезапно разжал руки и спрыгнул с качелей.

Качели были невысокие — прыгать с них по-настоящему было не опасно, но сердце Хэ Шисяя всё равно ёкнуло. Он инстинктивно потянулся поймать Нин Ичу.

Нин Ичу смахнул его руку. — Ты напомнил мне: у меня ещё остались вещи в доме семьи Нин, которые нужно забрать. К тому же нехорошо делать «большой подарок» только сватам. Семья Нин — моя «родная семья» как-никак. Я женился уже несколько дней — пора нанести визит молодожёна.

Слушая его едко-саркастический выбор слов, Хэ Шисяй беспомощно улыбнулся.

Для вас старалась команда Webnovels ☐

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/17086/1598645>